

ИВ. БУНИНЪ

БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИКЪ

Золотилось солнце на туманномъ востокѣ, за туманной сивью далекихъ лѣсовъ, за бѣлой низменностью, на которую глядѣлъ съ невысокаго горнаго берега древній русскій городъ. Былъ канунъ Рождества, бодрое утро съ легкимъ морозомъ и инеемъ.

Только что пришелъ петроградскій поѣздъ: въ гору, по наѣзженному снѣгу, отъ желѣзнодорожной станціи, тянулись извозчики, съ сѣдоками и безъ сѣдоковъ.

Въ старой большой гостинницѣ на просторной площади, противъ старыхъ торговыхъ рядовъ, было тихо и пусто, прибрано къ празднику. Гостей не ждали. Но вотъ къ крыльцу подѣхалъ господинъ въ пенснэ и съ изумленными глазами, въ черномъ бархатномъ беретѣ, изъ подъ котораго падали зеленоватые кудри, и въ длинной дохѣ блестящаго каштановаго мѣха.

Рыжій бородачъ на козлахъ притворно кричалъ, желая показать, что онъ промерзъ, что слѣдуетъ набавить ему. Сѣдокъ не обратилъ на него вниманія, предоставивъ расплатиться съ нимъ гостинницѣ.

— Ведите меня въ самый свѣтлый номеръ, — громко сказалъ онъ, торжественнымъ шагомъ слѣдуя по широкому коридору за молодымъ коридорнымъ, несшимъ его дорогой заграничный чемоданъ. — Я художникъ, — сказалъ онъ,

— но на этотъ разъ мнѣ не нужна комната на сѣверъ. Отнюдь нѣтъ!

Коридорный распахнулъ дверь въ номеръ первый, самый почетный, состоявшій изъ прихожей и двухъ обширныхъ комнатъ, гдѣ окна были однако невелики и очень глубоки, по причинѣ толстыхъ стѣнъ. Въ комнатахъ было тепло, уютно и спокойно, янтарно отъ солнца, смягченнаго инеемъ на нижнихъ стеклахъ. Осторожно опустивъ чемоданъ на коверъ по срединѣ приемной, коридорный, молодой малый съ умными веселыми глазами, остановился въ ожиданіи паспорта и приказаній. Художникъ, ростомъ невысокій, весьма легкій вопреки своему возрасту, въ беретѣ и бархатной курткѣ, прошелся изъ угла въ уголъ и, сронивъ движеніемъ бровей пенснэ, потеръ бѣлыми, точно алебастровыми руками свое блѣдное измученное лицо. Потомъ странно посмотрѣлъ на слугу невидящимъ взоромъ очень близорукаго и разсѣяннаго человѣка.

— Двадцать четвертое декабря тысяча девятьсотъ шестнадцатаго года! — сказалъ онъ. — Эту дату ты долженъ запомнить!

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ коридорный, и въ глазахъ его выразилась готовность.

Художникъ вынулъ изъ бокового кармана куртки золотые часы, мелькомъ, прищуривъ одинъ глазъ, взглянулъ на нихъ.

— Ровно половина десятаго, — продолжалъ онъ, снова устраивая на носу свои стекла. — Я у цѣли своего паломничества. Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе! Паспортъ я тебѣ дамъ, не безпокойся, но сейчасъ мнѣ не до паспорта. У меня нѣтъ ни одной свободной минуты. Сейчасъ я спѣшу въ городъ, чтобы вернуться ровно въ одиннадцать. Я долженъ завершить дѣло всей моей жизни. Мой молодой другъ, — сказалъ онъ, протягивая къ коридорному руку и показывая ему два обрубчальныхъ коль-

ца, изъ которыхъ одно, на мизинцѣ, было женское: — это кольцо — предсмертный завѣтъ!

— Такъ точно, — отозвался коридорный несмѣло.

— И я этотъ завѣтъ исполню! — грозно сказала художникъ. — Я напишу безсмертную вещь! И я подарю ее — тебѣ!

— Покорнѣйше благодаримъ, — отвѣтилъ коридорный.

— Но, любезный, дѣло въ томъ, что я не взялъ съ собой ни холста, ни красокъ, — провезти ихъ изъ за этой чудовищной войны было совершенно невозможно. Я надѣюсь до-стать ихъ здѣсь. Я наконецъ воплещу все то, что сводило меня съ ума цѣлыхъ два года, а потомъ такъ дивно преобразилось въ Стокгольмѣ.

Говоря и отчеканивая слова, художникъ пристально смотрѣлъ черезъ пенснэ на своего собесѣдника.

— Весь міръ долженъ узнать и понять это откровеніе, эту благу вѣсть! — воскликнулъ онъ, театрально взмахнувъ рукой. — Слышишь? Весь міръ! Всѣ!

— Хорошо-съ, — отвѣтилъ коридорный. — Я доложу хозяину.

Художникъ снова надѣлъ доху и направился къ двери. Коридорный со всѣхъ ногъ кинулся отворять ее. Художникъ важно кивнулъ ему и зашагалъ по коридору. На площадкѣ лѣстницы онъ приостановился и добавилъ:

— Въ мірѣ, мой другъ, нѣтъ праздника выше Рождества. И нѣтъ таинства равнаго рожденію чловѣка. Послѣдній мигъ кроваваго, стараго міра! Рождается новый чловѣкъ!

На улицѣ совсѣмъ ободнялось, стало совсѣмъ солнечно. Иней на телеграфныхъ проволокахъ рисовался по голубому небу нѣжно и сизо и уже крошился, осыпался. На площади толпился цѣлый лѣсъ густыхъ темно-зеленыхъ елокъ. У лавокъ стояли мерзлая бѣлая туши голыхъ свиней съ глубокими разрѣзами на толстыхъ загривкахъ, висѣли сѣрые рябчики, ощипанные гуси, индѣйки, жирные и застывшіе. Про-

хожіе, переговариваясь, спѣшили, извозчики стегали лохматыхъ лошадей, подрѣза визжали.

— Узнаю тебя, Русь! — громко говорилъ художникъ, шагая по площади и глядя на туго подпоясанныхъ, толсто одѣтыхъ бодрыхъ торговцевъ и торговокъ, покрикивающихъ возлѣ своихъ лотковъ съ самодѣльными деревянными игрушками и большими бѣлыми пряниками въ видѣ коней, пѣтуховъ и рыбъ.

Онъ подозвалъ свободнаго извозчика и велѣлъ ѣхать ему на главную улицу.

— Только живѣе, къ одиннадцати я долженъ быть дома, за работой, — сказалъ онъ, садясь въ холодныя санки, кладя на колѣни себѣ тяжелую, каляную полость.

Извозчикъ мотнулъ шапкой и быстро понесъ его на своемъ сытомъ меренкѣ по блестящей, накатанной дорогѣ.

— Живѣе, живѣе! — повторилъ художникъ. — Въ двѣнадцать самый полный свѣтъ солнца. — Да, — сказалъ онъ, оглядываясь, — мѣста знакомыя, но основательно забытыя! Какъ называется эта пѣщца?

— Чего изволите? — спросилъ извозчикъ.

— Я тебя спрашиваю, какъ называется эта площадь? — крикнулъ художникъ, внезапно впадая въ ярость. — Стой, негодяй! Зачѣмъ ты привезъ меня къ часовнѣ? Я боюсь церкви и часовни! Стой! Ты знаешь, что одинъ финнъ привезъ меня къ кладбищу, и я тотчасъ же написалъ письма къ королю и къ папѣ и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни! Вези назадъ!

Извозчикъ осадилъ разбѣжавшуюся лошадь и взглянулъ на сѣдока съ недоумѣніемъ:

— Куда же прикажете? Вы сказали, на главную улицу...

— Я сказалъ тебѣ — въ художественный магазинъ!

— Вы бы лучше, баринъ, другого наняли, мы не понимаемъ.

— Ну и убирайся къ черту! Вотъ тебѣ твои сребреники.

И художникъ неловко вылѣзъ изъ саней, бросилъ извозчику трехрублевку и пошелъ прочь, назадъ, по серединѣ улицы. Доха его распахнулась, волочилась по снѣгу, глаза страдальчески и растерянно блуждали по сторонамъ. Увидавъ въ окнѣ магазина золоченые багеты, онъ поспѣшно вошелъ въ магазинъ. Но едва онъ заговорилъ о краскахъ, румяная барышня въ шубкѣ, сидѣвшая за кассой, тотчасъ же перебила его:

— Ахъ нѣтъ, у насъ красками не торгуютъ. У насъ только рамы, багеты и обои. Да и вообще врядъ ли вы найдете у насъ въ городѣ холстъ и масляныя краски.

Художникъ съ непритворнымъ отчаяніемъ схватился за голову:

— Боже мой, да неужели? Ахъ, какъ это ужасно! Сейчасъ и именно сейчасъ краски для меня вопросъ жизни и смерти! Идея моя совершенно созрѣла еще въ Стокгольмѣ и, будучи воплощенной, должна произвести неслыханное впечатлѣніе. Я долженъ написать виолеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину, — и эти ясли и Младенца и Мадонну и льва и ягненка, возлежащихъ рядомъ, — именно рядомъ! — такимъ ликованіемъ ангеловъ, такимъ свѣтомъ, чтобы это было воистину рожденіемъ новаго челоука. Только у меня это будетъ въ Испаніи, странѣ нашего перваго, брачнаго путешествія. Вдали — синія горы, на холмахъ цвѣтуція деревья, въ раскрытыхъ небесахъ...

— Извиняюсь, господинъ, — сказала барышня съ испугомъ, — здѣсь могутъ покупатели придти. У насъ только рамы, багеты и шпалеры...

Художникъ встrepенулся и съ преувеличенной вѣжливостью поднялъ свой беретъ:

— Ахъ, простите ради Бога! Вы правы, тысячу разъ правы! И поспѣшно вышелъ.

Черезъ нѣсколько домовъ, въ магазинѣ «Знаніе», онъ купилъ очень большой листъ шершаваго картона, цвѣтныхъ карандашей и акварельныя краски на бумажной палитрѣ. Затѣмъ опять вскочилъ на извозчика и погналъ его въ гостиницу. Въ гостиницѣ онъ тотчасъ же позвонилъ. Явился тотъ-же коридорный. Художникъ держалъ въ рукахъ паспортъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ, протягивая его коридорному. — Кесарево — кесарю. А затѣмъ, любезный, ты долженъ принести мнѣ стаканъ воды для акварели. Масляныхъ красокъ, увы, нигдѣ нѣтъ. Война! Желѣзный вѣкъ! Пещерный вѣкъ!

И подумавъ, внезапно просіялъ восторгомъ:

— А какой день! Боже, какой день! Ровно въ полночь рождается Спаситель! Спаситель міра! Я такъ и подпишу подъ картиной: рожденіе новаго человѣка. Мадонну я напишу съ той, чье имя отнынѣ священо. Я воскрешу ее, убитою злой силой вмѣстѣ съ новой жизнью, выношенной ею подъ сердцемъ!

Коридорный опять выразилъ свою неизмѣнную готовность на услуги и опять ушелъ. Но когда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ принесъ стаканъ и графинъ свѣжей воды, художникъ крѣпко спалъ. Блѣдное и худое лицо его было похоже на алебастровую маску. Онъ высоко, навзничъ лежалъ на подушкахъ на кровати въ спальнѣ, закинувъ голову, разметавъ свои длинные сѣро-зеленые волосы, и не было слышно даже дыханія его. Коридорный удалился на ципочкахъ и за дверью столкнулся съ хозяиномъ, приземистымъ человекомъ съ бобрикомъ на темени и острыми глазами.

— Ну что? — спросилъ хозяинъ быстрымъ шопотомъ.

— Спать, — отвѣтилъ коридорный.

— Чудеса! — сказалъ хозяинъ. — А паспортъ правильный. Только отмѣчено, что жена померла. Иванъ Матвѣичъ

звонилъ, велѣлъ присматривать. Ты того, держи ухо востро. Время, братъ, военное.

— Говорить — одарю тебя, дай только дѣло сдѣлать, — сказалъ коридорный. — Самовара не спрашиваетъ...

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ хозяинъ и прильнулъ ухомъ къ двери.

Но за дверью было тихо и только чувствовалась та грусть, что всегда бываетъ въ комнатѣ спящаго человека.

Солнце медленно уходило изъ номера. Потомъ и совсѣмъ ушло. Иней на окнахъ посѣрѣлъ, сталъ скучный. Въ сумерки художникъ внезапно проснулся и тотчасъ кинулся къ звонку.

— Это ужасно! — закричалъ онъ, какъ только появился коридорный. — Ты меня не разбудилъ! А межъ тѣмъ именно изъ-за этого дня мы и предприняли нашу страшную Одиссею. Ты, конечно, знаешь, что даже Китчнера пустили ко дну. Представь же себѣ, каково было ей, беременной на восьмомъ мѣсяцѣ! Мы прошли черезъ тысячу всяческихъ рогатокъ, не спали, не ѣли почти шесть недѣль. А море! А бѣшенныя качки! А этотъ непрестанный страхъ, что того гляди взлетишь на воздухъ! «Всѣ наверхъ! Готовь спасительные пояса! Первому, кто кинется къ шлюпкѣ безъ команды, разможжу черепъ!»

— Такъ точно, — сказалъ коридорный, совсѣмъ оторопѣвъ отъ его зычнаго крика.

— А какой былъ радостный свѣтъ! — продолжалъ художникъ, успокаиваясь. — Я при такомъ настроеніи духа, какъ давеча, кончилъ бы работу въ два-три часа. Но что жъ дѣлать! Буду работать всю ночь. Только помоги мнѣ кое-что приготовить. Столъ этотъ, пожалуй, годится...

Онъ подошелъ къ преддиванному столу, стащилъ съ него бархатную скатерть, покачалъ его:

— Стоит довольно твердо. Но вот что: у васъ здѣсь всего двѣ свѣчи. Надо принести еще восемь, иначе я не могу писать. Мнѣ нужна бездна свѣта!

Коридорный опять вышелъ и долго спустя принесъ семь свѣчей въ разныхъ подсвѣчникахъ.

— Одной нѣту, всѣ по номерамъ, — сказалъ онъ.

Художникъ опять заволновался, опять закричалъ:

— Ахъ, какъ это досадно! Десять, десять нужно было! На всякомъ шагу преграды, низости! Помоги мнѣ по крайней мѣрѣ поставить столъ какъ разъ по серединѣ комнаты. Мы увеличимъ свѣтъ отраженіями въ зеркалѣ...

Коридорный потащилъ столъ на указанное мѣсто, покрѣпче устоялъ его.

— Теперь надо застелить чѣмъ-нибудь бѣлымъ, не поглощающимъ свѣта, — бормоталъ художникъ, неловко помогая, роняя и надѣвая пенснэ, — Чѣмъ бы это? Бѣлыхъ скатертей я боюсь... Ба, у меня куча газетъ, я предусматрительно не выбросовалъ ихъ!

Онъ открылъ чемоданъ, лежавшій на полу, взялъ оттуда нѣсколько номеровъ «Новаго Времени», застелилъ столъ, прикрѣпилъ кнопками, разложилъ карандаши, палитру, поставилъ въ рядъ девять свѣчей и всѣ зажегъ ихъ. Комната приняла странный, праздничный и отчасти зловѣщій видъ отъ этого обилія огней. Окна почернѣли. Свѣчи отражались въ зеркалѣ надъ диваномъ, бросая яркій золотой свѣтъ на бѣлое серьезное лицо художника и на молодое озабоченное лицо коридорнаго. Когда наконецъ все было готово, коридорный почтительно отступилъ къ порогу и спросилъ:

— Кушать будете у насъ али на сторонѣ?

Художникъ горько и театрално усмѣхнулся:

— Дитя! Онъ воображаетъ, что я могу въ такую минуту ѣсть! Иди съ миромъ, другъ мой. Ты свободенъ теперь до утра.

И коридорный осторожно вышелъ вонъ.

Часы текли. Художникъ ходилъ изъ угла въ уголь. Онъ сказалъ себѣ: «Надо приготовиться». За окнами чернѣла зимняя морозная ночь. Онъ опустилъ на нихъ шторы. Въ гостинницѣ все молчало. За дверью въ коридорѣ слышались осторожные, воровскіе шаги, — за художникомъ подсматривали въ замочную скважину, подслушивали. Потомъ и шаги стихли. Свѣчи пылали, дрожа огнями, отражаясь въ зеркалѣ. Лицо художника становилось все изумленнѣе, все строже, все болѣзненнѣе.

— Нѣтъ! — вскричалъ онъ вдругъ, рѣзко останавливаясь. — Сперва я долженъ возобновить въ памяти ея черты. Прочь дѣтскій страхъ!

Онъ наклонился къ чемодану, волосы его повисли. Запустивъ руку подъ бѣлье, онъ вытащилъ большой бѣлый бархатный альбомъ, сѣлъ въ кресло у стола. Раскрывъ альбомъ, онъ рѣшительно и гордо откинулъ голову назадъ и замеръ въ созерцаніи.

Въ альбомѣ былъ большой фотографическій снимокъ: внутренность какой-то пустой церкви или часовни, со сводами, съ блестящими стѣнами изъ гладкаго камня. По срединѣ, на возвышеніи, покрытомъ траурнымъ сукномъ, тянулся длинный гробъ, въ которомъ лежала худая женщина съ сомкнутыми выпуклыми вѣками. Узкая и красивая голова ея была окружена гирляндой цвѣтовъ, высоко на груди покоились сложенные руки. Въ возглавіи гроба стояли три церковныхъ свѣщника, у подножія — крохотный гробикъ съ младенцемъ, похожимъ на куклу.

Художникъ напряженно вглядывался въ острые черты покойной. Вдругъ лицо его исказилось ужасомъ. Онъ кинулъ альбомъ на коверъ, вскочилъ, бросился къ чемодану. Онъ перерылъ его весь, до дна, разбросавъ по полу рубашки, носки, галстуки... Нѣтъ, того, что онъ искалъ, не было! Онъ отчаянно озирался по сторонамъ, теръ рукою лобъ...

— Полжизни за кисть! — воскликнул он хриплым голосомъ, топнувъ ногою. — Забылъ, забылъ, несчастный! Ищи-же! Сотвори чудо!

Но кисти не было. Онъ пошарилъ по карманамъ, нашель перочинный ножъ, подбѣжалъ къ дохѣ... Развѣ вырѣзать клочъ мѣху и привязать къ перу, къ щепкѣ? Но гдѣ взять нитокъ? Ночь, всѣ спять... его примутъ за сумасшедшаго! И онъ яростно схватилъ съ дивана картонъ, швырнулъ его на столъ, сбѣгалъ въ спальню за подушками, положилъ ихъ на кресло, чтобы было выше сидѣть, и хватая то одинъ, то другой карандашъ, съ головой ушелъ въ работу.

Онъ трудился безъ отдыха. Онъ снялъ пенснэ и низко наклонился къ столу, бросалъ сильные и увѣренные удары, откидываясь, вперяя взглядъ въ зеркало, свѣтлый туманъ котораго былъ полонъ дрожащими цвѣтистыми огнями. Отъ жара свѣчей волосы художника на вискахъ смоклись, отъ напряженія вздулись жилы на шеѣ. Глаза устали и горѣли, черты обрѣзались еще болѣе. Но по-прежнему онъ былъ смертельно блѣденъ.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, что листъ картона безнадежно испорченъ, — нелѣпо и ярко загроможденъ рисунками, совершенно противоположными другъ другу по смыслу и по значенію ихъ: горячее вдохновеніе художника совершенно не повиновалось ему, дѣлало совсѣмъ не то, что ему хотѣлось, къ чему побуждала его часть его души. Онъ перевернулъ картонъ и, схвативъ синій карандашъ, оцѣпенѣлъ на нѣкоторое время. Раскрытый альбомъ лежалъ возлѣ его кресла. Изъ альбома такъ и билъ въ глаза длинный гробъ и мертвый ликъ. Онъ порывисто захлопнулъ альбомъ. Въ чемоданѣ торчала изъ бѣлья оплетенная фляжка съ одеколономъ. Онъ вскочилъ, быстро отвинтилъ ея крышечку и, обжигаясь, сталъ пить. Опорожнивъ фляжку почти до дна и, отдуваясь отъ душистаго пламени, съ пылающимъ горломъ, онъ опять пошелъ шагать по комнатѣ.

Вскорѣ юношеская сила овладѣла имъ, — дерзкая рѣшительность, увѣренность въ каждой своей мысли, въ каждомъ своемъ чувствѣ, сознаніе, что онъ все можетъ, все смѣетъ, что нѣтъ болѣе для него сомнѣній, нѣтъ преградъ. Онъ исполнился надеждъ и радости. Ему казалось, что мрачныя, дьявольскія навожденія жизни, черными волнами заливавшія его воображеніе, отступаютъ отъ него. Осанна! Благословенъ Грядый во имя Господне!

Теперь передъ его умственнымъ взоромъ, съ потрясающей, съ небывалой доселѣ ясностью, стояло только то, чего жаждало его сердце, сердце не раба жизни, а творца ея, какъ мысленно говорилъ онъ себѣ. Небеса, преисполненные вѣчнаго свѣта, млѣющая эдемской лазурью и клубящіяся дивными, хотя и смутными облаками, грезилась ему; свѣтозарные лики и крылья несмѣтныхъ ликующихъ серафимовъ проступали въ жуткой литургической красотѣ небесъ; Богъ-Отецъ, грозный и радостный, благій и торжествующій, какъ въ дни творенія, высился среди нихъ радужнымъ исполинскимъ видѣніемъ; Дѣва неизрѣченной прелести, съ очами полными блаженства счастливой матери, стоя на облачныхъ клубахъ, сквозящихъ синью земныхъ далей, простертыхъ подъ нею, являла міру, высоко поднимала на божественныхъ рукахъ своихъ Младенца, блистающаго, какъ солнце, и дикій, могучій Іоаннъ, препоясанный звѣриной шкурою, на колѣняхъ стоялъ возлѣ Ея ногъ, въ изступленіи любви, нѣжности и благодарности цѣлуя край Ея одежды...

И художникъ снова кинулся къ своей работѣ. Онъ ломалъ и съ лихорадочной поспѣшностью, трясущимися руками, вновь острилъ ножомъ карандаши. Догоравшія свѣчи, оплывшія, текущія по раскаленнымъ подсвѣчникамъ, еще жарче пылали возлѣ его лица, завѣпаннаго вдоль щекъ мокрыми волосами.

Въ шесть часовъ онъ бѣшено давилъ кнопку звонка: онъ кончилъ, кончилъ! Затѣмъ побѣжалъ къ столу и стоя, съ

бьющимся сердцемъ, сталъ ждать коридорнаго. Теперь онъ былъ блѣденъ такой смертельной блѣдностью, что губы у него казались черными. Вся куртка его была осыпана разноцвѣтной пылью карандашей. Темные глаза горѣли нечеловѣческимъ страданіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то свирѣпымъ восторгомъ.

Никто не шелъ. Гробовая тишина окружала его. Но онъ стоялъ, онъ ждалъ, весь превратившись въ слухъ и ожиданіе. Вотъ, сію минуту вбѣжитъ коридорный, и онъ, творецъ, завершившій свой трудъ, излившій свою душу по волѣ самого Божества, быстро скажетъ ему заранѣе приготовленныя, страшныя и побѣдительныя слова:

— Возьми это себѣ. Я тебѣ дарю это!

И онъ, близкій отъ стука своего сердца къ потери сознанія, крѣпко держалъ въ рукѣ картонъ. На картонѣ-же, сплошь расцвѣченномъ, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображеніе въ полной противоположности его первоначальной жаждѣ. Дикое, черносинее небо до зенита пылало пожарами, кровавымъ пламенемъ дымныхъ, разрушающихся храмовъ, дворцовъ и жилищъ. Черные дыбы, эшафоты и висѣлицы съ удавленниками мрачно сквозили на огненномъ фонѣ. Надъ всей картиной, надъ всѣмъ этимъ моремъ огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крестъ съ распятымъ на немъ, окрававленнымъ Страдальцемъ, широко и покорно раскинувшимъ длани по перекладинамъ креста. Смерть, въ доспѣхахъ и зубчатой коронѣ, оскаливъ свою гробную челюсть, съ разбѣгу подавшись впередъ, глубоко всадила подъ сердце Распятаго желѣзный трезубецъ. Низъ же картины являлъ беспорядочную груды мертвыхъ — и свалку, грызню, драку живыхъ, полное смѣшеніе нагихъ тѣлъ, рукъ и лицъ. И лица эти, ощеренныя, клыкастыя, съ глазами, выкатившимися изъ орбитъ, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, зло-

бой, сладострастіемъ братоубійства, что ихъ можно было признать скорѣе за лица скотовъ, звѣрей, дьяволовъ, но никакъ не за человѣческія.

И в. Бунинъ.

ВХОДЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ

„Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!“
И съ яростнымъ хрипомъ въ груди,
Съ огнемъ преисподней
Въ сверкающихъ гнойныхъ глазахъ,
Вздувая всѣ жилы на шеѣ,
Вопя все грознѣе,
Калѣка кидается въ прахъ
На колѣни,
Пробившись сквозь шумный народъ,
Ощеривши ротъ,
Щербатый и въ пѣнѣ,
И руки раскинувъ съ мольбой —
О мщеньи, о мщеньи,
О пирѣ кровавомъ для всѣхъ обойден-
ныхъ судьбой —

И Ты, Всеблагой,
Свѣте тихій вечерній,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взоръ,
Ты вступаешь на кроткомъ осяти
Въ роковыя врата — на позоръ,
На пропятъе!

Ив. Бунинъ.

СИРИУСЪ

Гдѣ ты, звѣзда моя завѣтная,
Вѣнецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

Гдѣ вы, скитанія полночныя
Въ равнинахъ свѣтлыхъ и нагихъ,
Надежды, думы непорочныя
И радость вымысловъ моихъ?

Гдѣ молодость, простая, чистая,
Въ кругу любимомъ и родномъ,
И ветхій домъ и ель смолистая
Среди сугробовъ подъ окномъ?

Пылай, играй стоцвѣтной силою,
Неугасимая звѣзда,
Надъ дальнею моею могилою,
Забытой Богомъ навсегда!

Ив. Бунинъ.

ВЪ ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ

Въ полночный часъ я встану и взгляну
На блѣдную, высокую луну
И на заливъ подъ нею и на горы,
Мерцающія снѣгомъ вдалекъ...
Внизу вода чуть блещетъ на пескѣ,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океанъ...

Позналъ я, какъ ничтожно и не ново
Пустое человѣческое слово,
Позналъ надеждъ и радостей обманъ,
Тщету любви и терпкую разлуку
Съ послѣдними, немногими, кто миль,
Кто близостью своею облегчилъ
Ненужную для міра боль и муку,
И эти одинокіе часы
Безмолвнаго полуночнаго бдѣнья,
Презрѣнія къ себѣ — и отчужденья
Отъ всей земной безсмысленной красоты...

Ив. Бунинъ.

А. К У П Р И Н Ъ

ОДНОРУКІЙ БОМЕНДАНТЬ

(Изъ семейной были)